

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

“ПЕСТЫ” И “ТЕРОЧНИКИ” В ОБРЯДАХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Реферат: В статье рассматриваются культовые комплексы срубной культуры, в состав которых входили каменные орудия, использовавшиеся для измельчения определенного сырья – так называемые “песты” и “терочники”. Авторами было учтено 14 погребений с данными изделиями, 7 случаев размещения их за пределами могильных ям (в 6 курганах и 1 грунтовом могильнике) и 30 поселенческих культовых комплексов с этими орудиями. Анализ учтенных погребений показал, что “песты” и “терочники” попадали преимущественно в могилы лиц высокого ранга (как мужчин, так и женщин), которые, вероятно, были причастны к культовому служению. Рассмотрение комплексов с “пестами” и “терочниками” позволило выяснить, что данные орудия использовались в разнообразных обрядовых действиях и, в частности, считались оберегами.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, погребения, поселения, песты, терочники, семантика.

Abstract: This article considers some religious Timber-Grave culture complexes, which included stone tools used for grinding certain raw materials – the so-called “pestles” and “grindstones”. The authors took into account 14 graves with these products, 7 of which were placed outside the burial pits (6 barrows and 1 ground burial). 30 settlement cult complexes with these tools were also studied by the authors of the article. The analysis of the recorded burials has shown that “pestles” and “grindstones” were found mainly in the graves of high rank persons (both men and women) who were probably involved in religious service. Consideration of the complexes with “pestles” and “grindstones” permitted to find out that these tools are used in a variety of ceremonial activities and, in particular, were considered talismans.

Keywords: Late Bronze Age, Timber-Grave culture, burials, settlements, pestles, grindstones, semantics.

В погребениях срубной культуры изредка встречаются изделия из камня, которые исследователи обычно называют пестами и терочниками². Комплексы, в состав которых входили данные орудия, до сих пор почти не привлекали внимания исследователей. Более того, высказывалась даже точка зрения, что в погребениях срубной культуры эти изделия вообще отсутствуют [Бочкарев 2010, с. 200]. С таким утверждением нельзя согласиться. Нами учтено 14 срубных захоронений, где присутствовали “песты” и “терочники” (см. Приложение). То, что мы склонны рассматривать комплексы с “пестами” и “терочниками” суммарно, проистекает из двух посылок:

1. Оба орудия использовались для измельчения какого-то сырья, откуда правомерно допущение, что в представлениях носителей срубной культуры они могли ассоциироваться друг с другом или, используя современную терминологию, являться семантически тождественными;

¹ Во время работы над статьей, которая была опубликована в предыдущем номере ДАЗ [Подобед и др. 2013а], мы задумали и эту работу, потому что в одном из погребений предложенного тогда для публикации кургана 4 могильника Зинцева Балка был найден каменный предмет, по поводу которого было сказано, что “из всех комплексов публикуемого нами кургана наибольший интерес представляет п. 7, содержащее в составе погребального инвентаря ... пест” [Подобед и др. 2013а, с. 217]. Выделяя это погребение (рис. 1), мы подчеркнули, что “ситуация с пестом-растиральником в п. 7 кургана 4 могильника Зинцева Балка требует отдельного, более пристального внимания” [Подобед и др. 2013а, с. 217, сноска 12]. Таким образом, предложенная сейчас статья может восприниматься, как продолжение темы, затронутой на страницах прошлого выпуска ДАЗ.

² Наряду с терминами “пест” и “терочник” применительно к рассматриваемым артефактам используются и другие, в т.ч. “растиральник”, “растиральный камень”, “курант”, “жернов”. Иногда встречается даже термин “молоток” [Черных, Вальков 2004, подписи к рис. 6, 10].

2. Деление рассматриваемых орудий на “песты” и “терочки” при отсутствии трасологических определений является весьма субъективным³.

Отметим, что, помимо фигурирующих в Приложении захоронений, нам известен еще один срубный (точнее – т.н. “срубно-алакульский”) комплекс с “пестом”. Это – погребение из Ивановского I 1/2, Башкортостан, РФ. Комплекс до сих пор не опубликован (в научный оборот введен лишь “пест” [Рутто 2003, рис. 58, 3]), а потому мы не включили его в свою сводку. Затрагивая срубно-алакульские памятники, упомянем алакульское, но не без влияния традиций срубной культуры [Алаева 2007, с. 64, 66], погребение из могильника Песчанка 3, 8/3 Челябинской обл. РФ. Оно было совершено в деревянной камере с частично сожженным поперечным перекрытием. Захоронение подверглось “ограблению”, а потому положение умершего (мужчины 17-25 лет) не восстанавливается. У восточной стенки камеры находился крупный сосуд, а в северо-западной части могильной конструкции – “пест” из серпентинита со следами работы на торце [Алаева 2007, с. 64].

Заслуживает внимания и погребение из Петрополя-I 1/2 Харьковской обл. Украины. Оно являлось одним из двух захоронений, над которыми возвели данный курган. Оба комплекса окружал ровик подквадратной в плане формы с разрывом в южной части. Интересующее нас погребение было парным. Умерших разместили в могиле лицами друг к другу в скорченных позах на восток-юго-восток головами. У затылочной части черепа южного костяка локализовалось фрагментированное каменное изделие, очень напоминающее, судя по рисунку в публикации, пест [Берестнев 2001, рис. 62]. К сожалению, в захоронении отсутствовали сосуды, а потому его культурную принадлежность установить затруднительно. Погребение может относиться как к срубной культуре, так и к бабинской. Прояснить этот момент могли бы данные о погребении 1, синхронном рассматриваемому, но, увы, автор информации о нем не привел [Берестнев 2001, с. 84]. Словом, у нас нет достаточной уверенности, в том, что погребение из Петрополя является срубным, а потому в сводку мы его не включили.

Стоит сказать также о захоронении из Бирюково 4/3 Луганской обл. Украины. Здесь обнаружен каменный диск с “рваными” краями, имеющий диаметр около 8,5 см и толщину около 1,5 см [Писларий 1973]. В работе Р.А. Литвиненко артефакт был трактован как растиральник [Литвиненко 1996, с. 20]. Однако, учитывая типологическое отличие данного изделия от тех растиральников (терочников), которые известны нам в срубной культуре, мы не стали включать захоронение в сводку⁴. Попутно отметим, что в заметке Ф.Р. Балонова [1974, с. 244-245] и в тезисах Р.А. Литвиненко [1996, с. 19-20] о данном погребальном комплексе сообщена не вполне верная информация. Оба автора пишут, что в кургане было захоронение, где выявлены бронзовый нож, кусочек руды и каменное изделие (у Ф.Р. Балонова – “плитка”, у Р.А. Литвиненко – “растиральник”). На самом деле, каменная плитка обнаружена в п. 3, а нож и кусочек руды – в п. 2 [Писларий 1973].

Нелишне упомянуть и еще одно погребение. Его разрушили при строительных работах близ с. Калиновка Волгоградской обл. РФ. На месте работ были собраны разнообразные артефакты: глиняные матрицы для отливки вислообушных топоров, проушной вкладыш и сопла, каменные “пест”, наковаленка-точило, “оселок-пест”, “галька-курант”, кварцитовые абразивы, фрагмент трубчатой кости и 2 керамических сосуда срубной культуры (один фрагментирован) [Щуцкин 1982, с. 93-98]. Автор публикации очень осторожно предположил,

³ Именно поэтому в нашей работе мы берем оба термина в кавычки. Кстати, при трасологическом изучении песты и терочки оказываются в разных категориях орудий. К примеру: [Мандрыка, Князева 2011, с. 156, 159, 160].

⁴ Каменные и, частично, керамические диски являются отдельной группой находок. Их назначение дискуссионно, орудия многофункциональны (ср.: [Скакун 1977; Сериков 1977; Халыпин 1998, с. 68; Отрощенко 2001, с. 172-173; Черных, Вальков 2004, с. 181; Бровендер, Загородняя 2009, с. 257; Загородняя 2014, с. 118; и др.]). Подчеркнем, что в ситуации с дисками отчетливо проступает проблема наличия/отсутствия результатов трасологического анализа.

что перечисленные предметы происходят из одного комплекса, который он отнес к срубной культуре [Цуцкин 1982, с. 99]. Стоит, однако, учесть два нюанса:

1. До сих пор не известно ни одного бесспорного срубного захоронения, где литейные формы или сопла выступали бы в качестве погребального инвентаря;

2. Матрицы и другие орудия литейного производства из разрушенного погребения типологически близки к орудиям эпохи средней бронзы, что констатировал и сам автор публикации [Цуцкин 1982, с. 99].

Отсюда весьма вероятным является то, что близ Калиновки было разрушено, по меньшей мере, два погребения. Одно из них являлось срубным (из него происходят сосуды). Второе же, где содержались орудия металлургии и металлообработки, датируется средним бронзовым веком. Исходя из отмеченного, мы решили абстрагироваться от упомянутых выше артефактов.

В сводке из учтенных нами 8550 погребений срубной культуры комплексы с “пестами” и “терочниками” составляют лишь 0,16%. При этом их удельный вес оказывается несколько выше на западной территории срубной общности (Днепровско-Донецкий регион, Крым, Подонье, Предкавказье). Здесь в массиве из 5245 срубных погребений присутствовало 12 комплексов с рассматриваемыми изделиями (0,23%). Соответствующий показатель по восточной территории (Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал) – 0,06% (2 погребения в массиве из 3305). Однако, несмотря на то, что “песты” и “терочники” крайне редко попадали в срубные захоронения, практика их использования в качестве погребального инвентаря имела место на всей территории общности – от Южного Урала до Днепровского Правобережья. Добавим, что она фиксируется на всем протяжении существования срубной культуры. Среди учтенных захоронений с “пестами” и “терочниками” есть довольно ранние. К таковым можно причислить кенотаф из Лофицкого. Ориентировка могильной ямы по линии ССЗ – ЮЮВ, а также обильная примесь толченой раковины в керамическом тесте двух сосудов из данного захоронения [Погорелов 1985, с. 87] сближают кенотаф с т.н. “срубно-абашевскими” погребениями Среднего Подонья, а их, согласно разработкам В.В. Отрощенко, следует относить к первому периоду т.н. “покровской срубной культуры”⁵ [Отрощенко 2001, с. 142]. Этот период исследователь предложил датировать XVII-XVI вв. до н.э. [Отрощенко 2002, с. 15]. В соответствии с разработками В.В. Отрощенко, погребение из Свердлово может быть отнесено ко второму периоду “покровской срубной культуры” [Отрощенко 2001, с. 135], датируемому автором XVI-XV вв. до н.э. [Отрощенко 2002, с. 15].

В погребении из Преображенки присутствовал бронзовый нож [Ковалева и др. 1981, рис. 5, 4], относящийся к типу, характерному для первого периода выделяемой В.В. Отрощенко “бережновско-маевской срубной культуры” [Отрощенко 2001, мал. 31]. Данный период исследователь датировал XV-XIV вв. до н.э. [Отрощенко 2002, с. 19].

Нож выявлен и в погребении из Мاستюгино [Золотарев 1999, рис. 2, 6]. В отличие от ножа из Преображенки, у данного артефакта отсутствовало перекрестие, а потому мастюгинский нож можно причислить к типу Н-8, по Е.Н. Черныху. Подобные изделия находят аналогии в Солонецком и Лобойковском кладах [Черных 1976, с. 114]. Первый относится к сабашиновской культуре [Шарафутдинова 1986, с. 30]. Культурная атрибуция Лобойковского клада все еще дискуссионна, но для нас важно то, что он, согласно разработкам В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева, может быть синхронизирован с первым этапом сабашиновской культуры [Дергачев, Бочкарев 2002, рис. 1]. Вероятно, к этому времени и следует отнести погребение из Мاستюгино. По мнению В.В. Отрощенко, первый

⁵ Уточним, что авторы предлагаемой работы являются принципиальными противниками концепции В.В. Отрощенко, согласно которой следует выделять две срубные культуры – “покровско-мосоловскую” и “бережновско-маевскую” [Подобед и др. 2013б]. Тем не менее, предложенная В.В. Отрощенко схема хронологического членения срубных древностей, независимо от того, как называются выделяемые автором периоды, весьма удобна для использования, а потому, за неимением лучшей, мы опираемся именно на нее.

этап (по его терминологии – “ранний период”) сабатиновской культуры синхронен первому периоду его “бережновско-маевской срубной культуры” и может быть датирован XV-XIV вв. до н.э. [Отрощенко 2001, с. 163]. Таким образом, погребения из Преображенки и Мастюгино относятся к одному периоду схемы В.В. Отрощенко. Но, учитывая, что нож из Мастюгино – типологически более поздний, можно допустить, что хронологическая позиция мастюгинского захоронения является более высокой, чем погребения из Преображенки.

Погребение из Комсомольского В.В. Отрощенко отнес к финалу “бережновско-маевской срубной культуры” и датировал XIII-XII вв. до н.э. [Отрощенко 2001, с. 161-162]. Мы полагаем, что эта дата несколько завышена [Подобед и др. 2010, с. 111]. Комплекс из Комсомольского следует “сместить” к началу второго периода “бережновско-маевской срубной культуры”, который в целом, по В.В. Отрощенко, датируется XIV-XIII вв. до н.э. [Отрощенко 2002, с. 19]. Добавим, что содержащаяся в захоронении бронзовая бритва относится к типу В6, по И.Ж. Тутаевой [2014, с. 182]. Согласно мнению автора типологии, подобные изделия бытовали в IV периоде хронологической схемы В.С. Бочкарева (модификация 2010 г.) [Тутаева 2014, с. 185]. Данный период датируется, по В.С. Бочкареву, XV-XIV вв. до н.э. [Тутаева 2014, с. 184-185]. На наш взгляд, комплекс из Комсомольского занимает в рамках упомянутого периода довольно высокую позицию.

Одним из самых поздних среди учтенных нами погребений с “пестами” и “терочниками” является погребение из Зинцевой Балки. Это следует из его стратиграфической позиции в кургане и, косвенно, из того, что умершая была уложена на правом боку [Подобед и др. 2013а, с. 213].

Что касается остальных погребений с “пестами” и “терочниками”, то обряд и инвентарь большинства из них (а в случае с погребением из Вильной Украины – отсутствие полноценной публикации) не позволяют определить хронологическую позицию комплексов в системе древностей срубной культуры.

Три погребения с “пестами” и “терочниками” являлись кенотафами, т.е. костяки в них отсутствовали. Тем не менее, применительно к кенотафу из Комсомольского можно допускать, что он был сооружен в честь женщины. Дело в том, что здесь выявлены бусина и височная подвеска, а набор из двух и более категорий украшений в срубной культуре попадал лишь в могилы женщин или, что бывало крайне редко, в могилы мужчин, “сменивших” свой пол на женский [Цимиданов 2006, с. 199]. Два погребения были разрушены, но в случае с комплексом из Приовражного размеры могильной ямы позволяют допускать, что умерший являлся взрослым. В остальных случаях есть прямые данные о возрасте и, изредка, поле погребенных. Эти данные таковы: подросток, женщины 17-19 и 65-70 лет, мужчина 40-50 лет и 5 взрослых. Итак, можно видеть, что с “пестами” и “терочниками” погребали, в основном, взрослых, причем, – и мужчин, и женщин.

Из 14 погребений 10 (71,4%) демонстрировали знаки повышенного ранга, в т.ч. индивидуальные курган или досыпку – 4 комплекса (30,8%), большую могильную яму – 4 (30,8%), остатки мясной пищи в могиле – 4 (30,8%), бронзовый нож – 4 (30,8%), кенотаф – 3 (23,1%), ритуалы вне могилы – 6 (42,9%). Число ранговых знаков, присутствовавших в комплексе, составляло 1 (3 случая), 2 (3), 4 (2), 5 (1) и 6 (1). Таким образом, большая часть лиц, в могилы которым клались “песты” и “терочники”, занимала высокое положение в обществе.

Одним из авторов данной работы уже было высказано предположение, что пест, помещенный в могилу, у носителей срубной культуры маркировал принадлежность умершего к служителям культа [Цимиданов 2004, с. 57]. Некоторые погребения свидетельствуют об этом довольно красноречиво.

Прежде всего стоит остановиться на кенотафе из Комсомольского. По мнению В.С. Бочкарева, “пест” и каменный диск из кенотафа “были своего рода приложениями к металлическим изделиям”. Исследователь имел в виду то, что упомянутые каменные орудия являлись кузнечными инструментами и “предназначались для текущего ремонта, правки и заточки тех металлических изделий, которые они сопровождали” [Бочкарев 2010, с. 200].

Несколько иная точка зрения была еще раньше высказана в работе Н. Бороффки и Е.Н. Саввы. Авторами было убедительно показано, что часто имеющая место корреляция пестов и каменных дисков (семантически тождественных, по их мнению, ступкам) в контексте культовых комплексов свидетельствует о ритуальном использовании данных предметов в металлургических культах [Boroffka, Sava 1998, S. 113] ⁶. Идею о том, что песты нередко попадали в обрядовый контекст, мы полностью поддерживаем, но гипотеза об их связи преимущественно с металлургическими культами представляется нам несколько абсолютизированной. В случае с каждым конкретным захоронением только трасологическое определение позволяет выяснить, для каких операций мог использоваться “пест”. Данные трасологии показывают, что предметы, называемые пестами, могли иметь самое разнообразное функциональное назначение. Часть их применялась в процессе подготовки сырья для производства металла [Килейников 1999, с. 119], другие использовались как кузнечные гладилки-молотки [Пряхин 1996, с. 89], точила [Субботин 2003, с. 84], отбойники [Килейников 1999, с. 123], орудия для дробления зерна [Коробкова 1987, с. 192], “перетирания мягких материалов на каменной основе зернотерки: зерен, корней, орехов, травы и пр.” [Гарустович, Котов 2007, с. 41], растирания краски (обычно – охры) [Субботин 2003, с. 80; Ченченкова 2004, с. 220; Исамиддинов и др. 2006, с. 77], измельчения отошителей в керамическом производстве [Борзунов 1992, с. 74] ⁷. Некоторые песты из прошедших трасологический анализ, оказались вообще без следов использования [Ченченкова 2004, с. 226, 232] ⁸. Наконец, встречаются полифункциональные изделия. В частности, “пест” из п. 1 кургана 1 могильника Селезни-2 Тамбовской обл. РФ (доно-волжская абашевская культура) сначала использовался для растирания охры, а потом – как кузнечный молоток [Килейников 1998, с. 40-41]. На среднеазиатских памятниках эпохи бронзы песты использовали для измельчения минералов и зерна [Ширинов 1986, с. 41]. Функции пестов и терочников сочетались на каменных орудиях поселений раннего железного века Боровое 3 и Малый Гоньбинский кордон 1 [Абдулганеев, Кунгурова 1993, с. 193]. Каменный пест со средневекового поселения Проспихинская Шивера I использовался “для обработки органического материала”, а также выступал “в качестве молотка по твердому материалу” [Мандрыка, Князева 2011, с. 159].

Показательными в данной связи являются результаты трасологических исследований, проведенных одним из авторов этой работы (А.Н. Усачуком). Им были изучены три “песта” ⁹ эпохи бронзы. Первый происходит из погребения 4/7 могильника Зинцева Балка (рис. 1; рис. 2, б). Он использовался как пест и как растиральник для работы с мягким материалом [Подобед и др. 2010, с. 114; 2013а, с. 212]. Установить, какое конкретно сырье измельчалось с помощью данного орудия, затруднительно, но, во всяком случае, это не было сырье для металлургии.

Второй “пест” хранится в коллекции М.Л. Швецова (г. Донецк, Украина). Предположительно он происходит с территории Донецкой области и, судя по морфологии, относится к позднему бронзовому веку. Трасологический анализ показал, что орудие,

⁶ О пестах, которые “служили важными атрибутами культовых отправлений, связанных с металлообработкой” Е.Н. Савва писал и раньше [1987, с. 68].

⁷ Обратим внимание на описание прошедшего трасологический анализ известного нуринаского песта с изображением головы человека: “На нижней поверхности песта затертость: растиралось мягкое вещество наподобие глины (не руда!)” [Ченченкова 2004, с. 208].

⁸ Противоположный случай: пест не проходил трасологический анализ, однако на рабочем торце зафиксированы выщерблены и сколы, что автор правильно трактует, как взаимодействие с твердыми материалами, но затем традиционно связывает орудие с дроблением руды в бронзолитейном производстве [Ткаченко 2002-2003, с. 90].

⁹ Здесь слово “пест” мы берем в кавычки, поскольку все три изделия использовались не только как песты.

очевидно, использовалось для дробления и растирания мягких материалов (зерно, травы) [Подобед и др. 2010, с. 113-114].

Рис. 1. Зинцева Балка, 4/7 (фотография А.Н. Усачука)

Fig. 1. Zintseva Balka, 4/7 (photo by A.N. Usachuk)

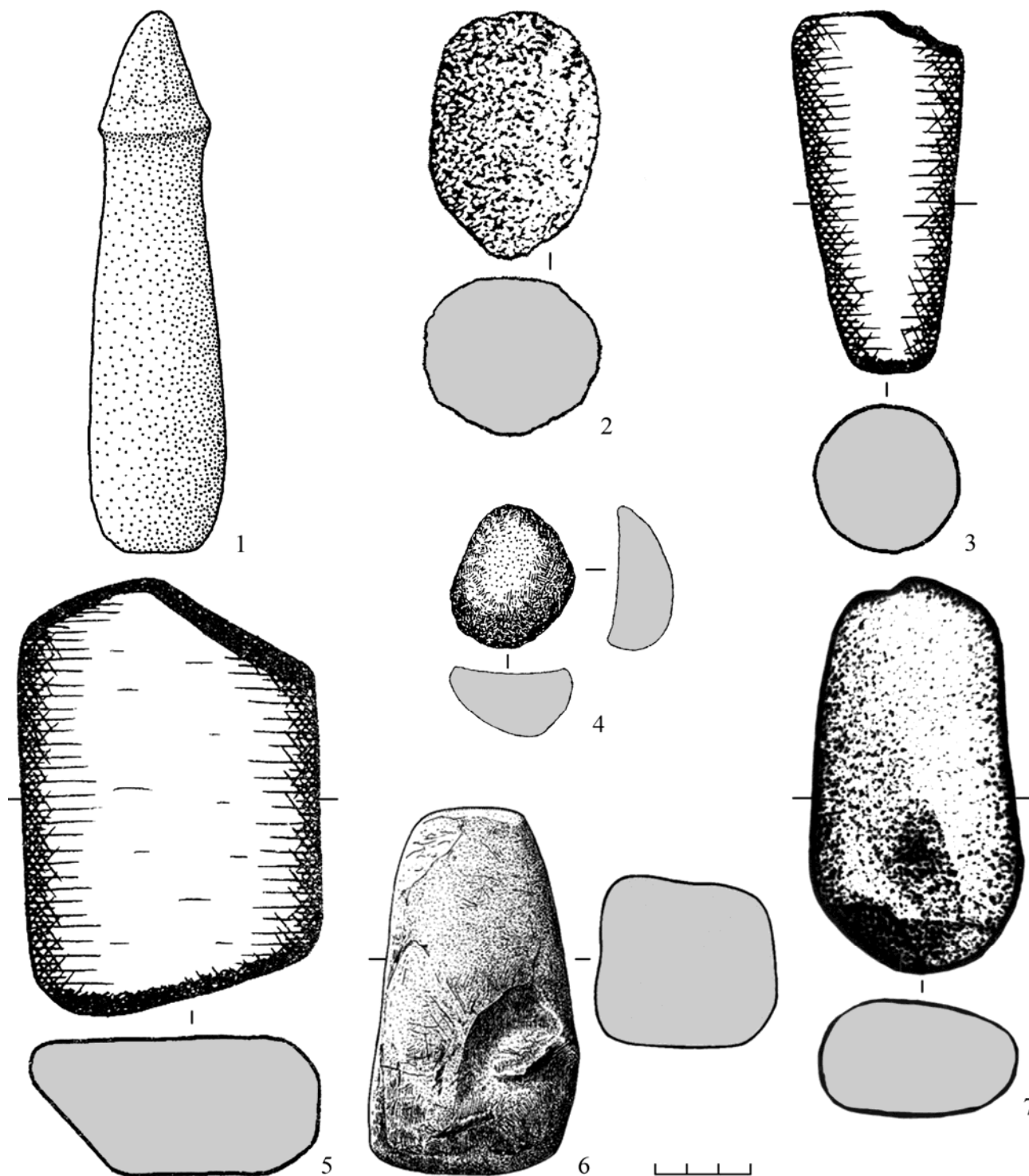

Рис. 2. Каменные орудия в погребениях срубной культуры:
1 – Комсомольское п. 16; 2 – Красновский II 4/2; 3, 5 – Лофитское 1/5;
4 – Мاستюгино п. 1; 6 – Зинцева Балка 4/7; 7 – Приовражное 2/5

Fig. 2. Stone tools in the Timber-Grave culture graves:
1 – Komsomolsk b. 16; 2 – Krasnovskii II 4/2; 3, 5 – Lofitskoe 1/5;
4 – Mastyugino b. 1; 6 – Zintseva Balka 4/7; 7 – Priovrazhnoe 2/5

Третий “пест” был найден во время разведки на поселении Вишневый Сад Донецкой обл. Судя по фрагментам сосудов, выявленным на памятнике, рассматриваемое орудие относится к бабинской или срубной культурам. Изделие, судя по материалу (диорит, не часто

встречающийся в Приазовье, где локализуется поселение) и большим затратам труда на его изготовление, первоначально, скорее всего, имело чисто ритуальное применение, но позже стало использоваться в качестве отбойника и отбойника-ретушера [Подобед и др. 2010, с. 114].

Стоит упомянуть еще одно каменное орудие, обработанное трасологически. Оно было обнаружено краеведом Я.Я. Кириченко близ с. Старый Караван Краснолиманского р-на Донецкой обл. Изделие является круглым в сечении и боченовидным в плане. Торцы его выпуклые, и при этом один из них имеет меньший диаметр, чем второй. На меньшем торце и на тулове сохранились участки природной корки. Значительная часть тулова покрыта широкими поперечными каннелюрами. Орудие уже введено в научный оборот [Кравец 1993, рис. 1]. Автор публикации, характеризуя изделие, трактованное им как пест, отметил, что его “ударные площадки” и прилегающая к ним поверхность “покрыты выбоинами и заломами, образовавшимися от ударов”. Вероятно, именно на этом основании исследователь отнес артефакт к “горнометаллургическим орудиям” [Кравец 1993, с. 183]. Трасологический анализ, проведенный в Лаборатории ИИМК РАН Т.А. Шаровской и Г.Ф. Коробковой, показал, что данное изделие применялось не только как пест (для разбивания, дробления), но и как растиральник (на обоих торцах сохранились в порах следы темно-вишневой краски)¹⁰.

Возвращаясь к “песту” из Комсомольского (рис. 2, 1), отметим, что его трасологическое изучение, насколько нам известно, не проводилось. Тем не менее, контекст, в котором обнаружен данный артефакт, позволяет сделать некоторые допущения. Среди вещей, располагавшихся рядом с “пестом”, был металлический сосуд. Его высота – около 13,5 см, а потому именовать его котлом, как это делают некоторые исследователи [Отрошенко 2001, с. 161; Бандрівський 2007, с. 44; Бочкарев 2010, рис. 2], не вполне корректно. Дело в том, что известные к настоящему времени клепаные котлы эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Балкан имеют значительно бóльшую высоту: от, примерно, 30 до 105 см [Подобед и др. 2010, с. 112]¹¹. Размещение “песта” рядом с сосудом и каменным диском позволяет допускать применение первого при изготовлении какого-то жидкого продукта. Некоторые исследователи уже предполагали, что в эпоху средней и поздней бронзы песты использовались при изготовлении священного напитка Сомы [Дремов 2003, с. 77; Ткачев 2007, с. 122; Петров 2010, с. 214; Андреева 2011, с. 32-33; Сотникова 2014, с. 74-76]. Естественно, до проведения соответствующих анализов эта гипотеза является чисто умозрительной. Тем не менее, в данной связи показательным то, что на поселении Тоголок-21, Туркменистан, датированном второй половиной II тыс. до н.э., было выявлено множество “пестов” и “терок”, применявшихся для приготовления культовых напитков из эфедры и мака [Сарианиди 1988а, с. 120-122; 1988б, с. 117-118].

Интересно нахождение в кенотафе из Комсомольской бронзовой бритвы. Изделия, типологически близкие ей, в культурах Восточной Европы и Азии эпохи поздней бронзы не являлись утилитарными предметами повседневного обихода, но имели очень высокий семиотический статус и использовались лишь в определенных ситуациях, скорее всего, культовых [Подобед и др. 2010, с. 115-116]. Таким образом, есть серьезные основания считать, что кенотаф из Комсомольского был сооружен в честь лица, имевшего отношение к культовому служению. Такое же допущение можно высказать и применительно к кенотафу из Лофицкого. Здесь на “краскотерке” была охра, а это недвусмысленно свидетельствует об использовании данного изделия в обрядовой сфере.

¹⁰ В заметке упоминаются данные трасологического анализа [Кравец 1993, с. 189, прим. 13], однако, более полные сведения об анализе песта 31 марта 1993 г. в Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН взяты нами из архивных записей А.Н. Усачука.

¹¹ Аналогией комсомольскому сосуду по параметрам является медный сосуд из могильника Ащису, к. 4, Карагандинская обл., РК. Его высота составляет 18 см [Кукушкин 2011, с. 106]. Любопытно, что упомянутый артефакт из Ащису, как и сосуд из Комсомольского, коррелировался с украшениями [Кукушкин 2011, с. 104].

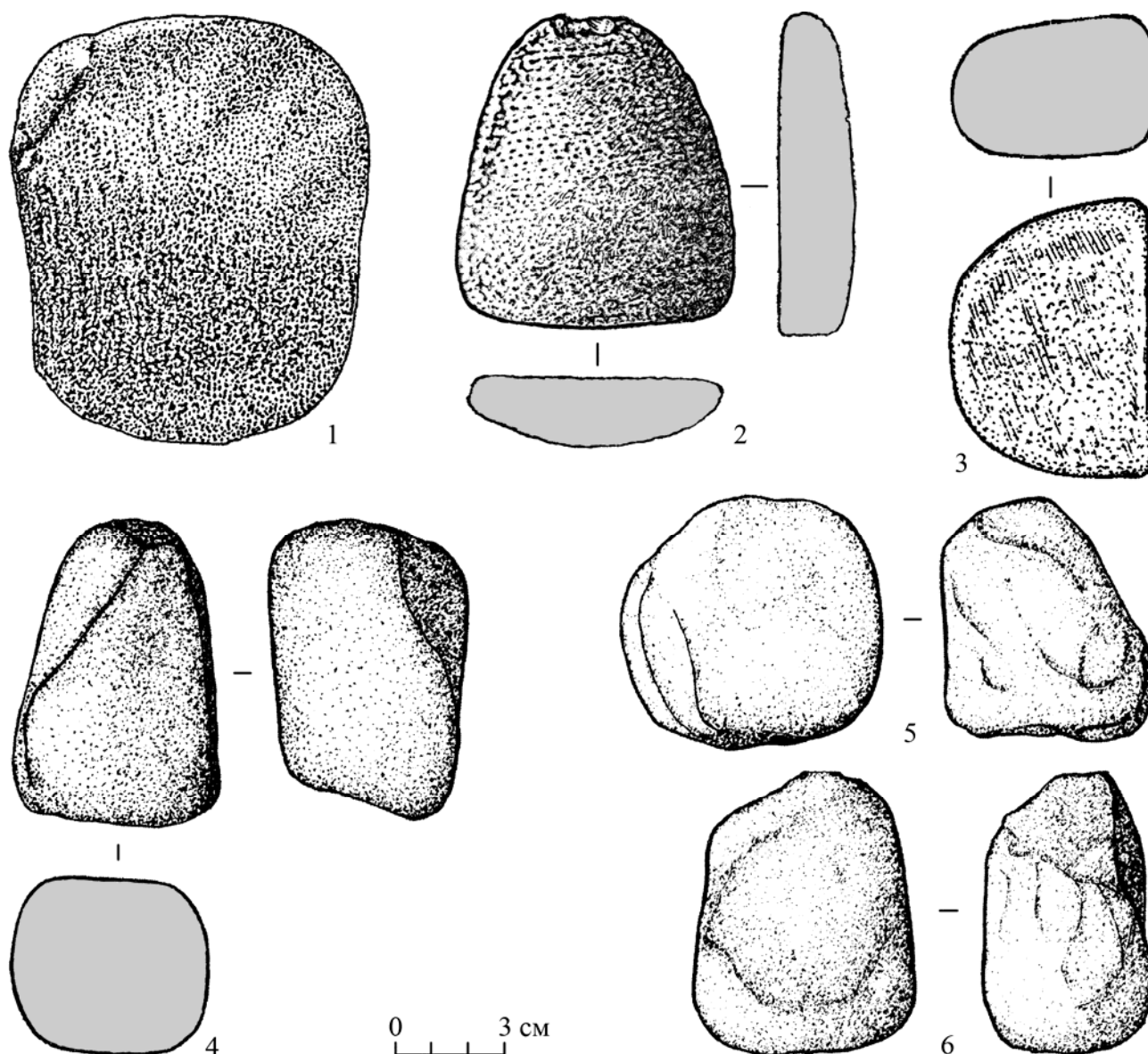

Рис. 3. Каменные орудия в погребениях срубной культуры: 1 – Ковалевка I 3/8; 2 – Солдатово 3/5; 3 – Абрамовское II поселение; 4-6 – Днепровка I к. 1 насыпь

Fig. 3. Stone tools in the Timber-Grave culture graves: 1 – Kovalevka I 3/8; 2 – Soldatovo 3/5; 3 – Abramovskoye II settlement; 4-6 – Dneprovka I m. 1, hill

В погребении из Вильной Украины присутствовала деревянная чаша с металлической накладкой, что фиксирует принадлежность погребенного к служителям культа [Цимиданов 2004, с. 75-77]. Добавим, что в погребении выявлен сосуд с иррегулярным орнаментом [Отрощенко, Формозов 1988, рис. 10, 2], относящимся по классификации В.В. Цимиданова к орнаментам II группы. Велика вероятность того, что сосуды с таким орнаментом маркировали служителей культа [Цимиданов 2004, с. 51-52]. Необычная для срубных погребений глубина могильной ямы (1,85 м) также является знаком данного статуса [Цимиданов 2004, с. 45].

Итак, по крайней мере, 3 из 14 учтенных захоронений с “пестами” и “терочниками” (около 21,4%) с той или иной долей вероятности могут быть причислены к захоронениям носителей ритуальной функции. Кроме того, как мы увидим ниже, поселенческие комплексы фиксируют важную роль “пестов” и “терочников” в обрядовой практике носителей срубной культуры. Это подтверждает гипотезу, согласно которой рассматриваемые изделия в

погребениях маркировали статус служителей культа. Нелишне добавить, что “песты” обнаружены в жреческих погребениях сарматов [Лазарь 2004, с. 67] и иногда – в жреческих (?) женских савроматских погребениях [Федоров 2001, с. 22, 24, 32].

Интересующие нас изделия были выявлены не только в могильных ямах погребений, но и вне их. Так, в насыпи срубного кургана 2 могильника Иштуганово, Башкортостан, находился “терочник” из песчаника [Археологические памятники... 1988, с. 12], в насыпи срубного кургана 57 могильника Калиновка Волгоградской обл. – “пест” [Шилов 1959, с. 406], а в насыпи срубного кургана, исследованного на территории аэропорта г. Донецк, Украина, – лоцило-терочник из мелкозернистого кварцита [Усачук и др. 2010, с. 193]¹². Наиболее эффектный комплекс из этой серии исследован В.А. Городцовым в кургане 7 у Камышевахи (нынешняя Луганская обл. Украины). Здесь на шалаше, сооруженном над срубным погребением, лежал “курант”, рядом с которым находились 3 сосуда и кремень [Городцов 1907, с. 363].

В насыпи кургана 1 могильника Днепровка I Запорожской обл. Украины, были обнаружены 3 “растиральные камни” из серого и розового кварцита [Ляшко и др. 2004, с. 42] (рис. 3, 4-6). А в насыпи кургана 1, исследованного в 1940 г. близ Никополя Днепропетровской обл. Украины, был найден “пест” [Кривцова-Гракова 1962, с. 31]. Связь последних четырех изделий со срубной культурой вероятна, но не бесспорна, поскольку в упомянутых курганах находились, наряду со срубными, и более ранние погребения.

Заслуживает упоминания и комплекс, выявленный при раскопках срубного грунтового могильника близ оз. Сары-Айдин Уральской обл. РК. Он представлял собой стоявший вверх дном сосуд, под которым находились “курант”, кусок красного песчаника и кость конечности коровы [Синицын 1952, с. 65].

Итак, “песты” и “терочники” использовались в погребальном обряде срубной культуры двояко: как погребальный инвентарь и как атрибуты каких-то действий, совершавшихся вне могил.

Довольно часто интересующие нас изделия обнаруживаются в культовых комплексах срубных поселений. В частности, на поселении Горный-1 Оренбургской обл. РФ во многих комплексах были выявлены т.н. “молотки”. Е.Н. Черных и Д.В. Вальков объединили в эту группу орудий и собственно молотки с желобками для крепления, и изделия без желобков, которые, как констатировали авторы, можно именовать пестами. И собственно молотки, и песты, по мнению авторов публикации, использовались, в основном, при обработке готовых металлических предметов, хотя могли служить и для разбивания шлаковых лепешек, раскалывания небольших кусков руды во время ее обогащения, а также – для дробления костей животных [Черных, Вальков 2004, с. 169-171]. Таким образом, на поселении Горный-1 песты и собственно молотки, возможно, имели одинаковое функциональное назначение. Из этого, однако, не следует, что их знаковая нагрузка была идентичной. Поэтому, рассматривая семантику пестов в обрядовом контексте, от собственно молотков мы предпочли абстрагироваться. Здесь, правда, возникла следующая сложность. В публикациях по Горному-1 неоднократно отмечается присутствие “молотков” во многих явных культовых комплексах данного поселения [Черных, Лебедева 2002а, с. 113; 2002б, с. 81-83, 86-87, 89-91; 2002в, с. 100-101, 107-109, табл. 4.2; 2002, с. 33, 36-37, 57-58, 66-67]. Более того, среди орудий, выявленных в т.н. “сакральных и жертвенных ямах”, именно “молотки” представлены лучше всего [Черных, Лебедева 2002б, табл. 4.2; 2002в, табл. 3.2, 3.3]. Однако, в большинстве случаев из публикации невозможно установить, были ли эти “молотки” собственно молотками или же являлись “пестами”. Нам удалось сделать это лишь применительно к 2 комплексам¹³. Эти комплексы таковы.

¹² Трасологическое определение А.Н. Усачука.

¹³ Таких комплексов, несомненно, должно быть намного больше, поскольку, как отмечают авторы, на 35% “молотков” не было желобков для крепления к рукоятям [Черных, Вальков 2004, с. 170], т.е. эти 35% изделий являлись “пестами”, по нашей терминологии.

В комплексе № 1 (на плавильном дворе) в 2 м к юго-западу от плавильного очага была выявлена яма № 41, которая, как удалось проследить, была заполнена культурными остатками еще до начала функционирования плавильного двора. В верхней части ямы имелась ниша, обращенная на юго-восток. Здесь лежал “очень крупный песчаниковый камень”. В заполнении ямы, включавшем много углей и золы, были обнаружены разнообразные артефакты. Среди них – около 6600 костей животных (в основном крупных и не фрагментированных), в т.ч. не менее 18 нижних челюстей крупного рогатого скота. При этом, возраст особей, которым принадлежали челюсти, колебался в узком интервале от 2,5 до 3 лет. Данный нюанс, как справедливо отметили авторы публикации, свидетельствуют о “жертвенном характере этого объекта”. Помимо костей животных, в яме находились один целый сосуд, развалы еще нескольких и разрозненные фрагменты керамики (около 500, причем около 60 из них ошлакованы). Наконец, что представляет для нас наибольший интерес, в яме выявлены “крупные молоток и молот” из кремневого галечника [Черных, Лебедева 2002б, с. 88-89]. Судя по рисунку [Черных, Вальков 2004, рис. 6.10, 4], первое из орудий следует причислить к “пестам”.

В производственном комплексе № 2, являвшемся плавильным двором, где центральную часть занимал плавильный очаг, была исследована т.н. “канавка № 93”. Общая ее длина превосходила 5,5 м, ширина достигала 0,45 м, а глубина – 0,35 м. Канавка находилась под полом двора и была ориентирована по линии СЗЗ – ЮВВ, причем “подходила” с запада к плавильному очагу. На западном ее конце локализовалась яма № 93-а, где были выявлены кости животных (далее – КЖ) и керамика. В самой же канавке обнаружены около 660 фрагментов КЖ, 33 фрагмента керамики, каменные “пест” и фрагмент “молотка” [Черных, Лебедева 2002в, с. 102, 104; Черных, Вальков 2004, рис. 6.10, 2]. Канавку, после того, как она была засыпана (это произошло еще до того, как на плавильном дворе началась производственная деятельность), в ее восточной части по южному борту прорезали 6 небольших ям. В их заполнении находились КЖ, фрагменты керамики, кусочки шлака и “молотки” (3 – в яме № 100, 1 – в яме № 101, 8 – в яме № 107) [Черных, Лебедева 2002в, с. 106, табл. 4.2]. По мнению авторов публикации, канавка имела “фаллический характер”, а связанные с ней “ритуально-магические действия” “предвосхищали производственную деятельность на плавильном дворе” [Черных, Лебедева 2002в, с. 104]. Ссылаясь на этнографические параллели, авторы объяснили появление “фаллических” канав тем, что обитатели поселения, стремясь поспособствовать успешному “зарождению” металла, имитировали совокупление мужского начала с женским [Черных, Лебедева 2002б, с. 85-86].

На поселении Родниковое Оренбургской обл.¹⁴ в яме 6, выявленной в сооружении 2, находились 2 развала сосудов, куски медного шлака, бронзовое шило и каменный “пестик”. Яму окружали 4 развала сосудов [Купцова, Файзуллин 2012, с. 75]. Культурный характер данного объекта не вполне очевиден, но довольно вероятен.

На поселении Тюбьяк, Башкортостан, в постройке, обнаруженной в раскопе III, был исследован колодец, находившийся близ выхода из жилища и, одновременно, рядом с очагом. В заполнении колодца выявлены 320 костей животных, кости и чешуя рыб, 4 развала сосудов, фрагменты керамики, угли, куски охры и медного колчедана, более 100 камней, в т.ч. – 3 со следами обработки, 2 “песта”, костяные шило и 2 фрагментированные проколки [Горбунов 1989, с. 64-65; Обыденнов и др. 2000, с. 63]. Соглашаясь с тем, что мы действительно имеем место с колодцем, отметим, что на определенном этапе он начал целенаправленно забрасываться различными предметами, а отсюда весьма вероятным является допущение, что колодец стал объектом для обрядовых манипуляций. В пользу последнего свидетельствует и попадание туда охры.

В той же постройке, в центральной ее части, находилась “хозяйственная яма-погреб”. При ее расчистке были обнаружены камни, 12 кусков медного колчедана, куски охры,

¹⁴ Памятник относится к т.н. “срубно-алакульским”.

фрагменты керамики, КЖ, в т.ч. – 2 черепа особей крупного рогатого скота (часть костей обожжена), костяное лоцило, слиток бронзы и “пест” [Горбунов 1989, с. 65]¹⁵. И вновь можно с достаточной долей вероятности предполагать, что перед нами – культовый комплекс. Наиболее веские доводы в пользу этого – присутствие в яме черепов животных, охры и слитка металла.

Весьма яркое и жертвенное комплекс, исследованный на Абрамовском II поселении Ульяновской обл. РФ. Здесь в траншее были выявлены останки 8 убитых людей. К юго-востоку от данной траншеи размещались 15 развалов сосудов, скопления КЖ и отдельные предметы, в т.ч. костяной дротик и бронзовый серп. Рядом с одним из сосудов лежал “курант” (рис. 3, 3) [Ледяйкин, Семькин 1991, с. 113-115, 118].

На поселении Сачково Озеро Самарской обл. РФ в юго-западном углу котлована 1 выявлено пятно золистого грунта, рядом с которым располагались 4 крупных камня, ступа и “пест” [Васильева и др. 2008, с. 64]. Последние два изделия образуют набор, а наличие наборов – один из признаков культовых комплексов [Мимоход 2001, с. 97-98]. Кроме того, перечисленные вещи тяготели к пятну золы, что так же является аргументом в пользу сакральности комплекса.

На поселении Нижняя Красавка Саратовской обл. РФ в северной части котлована постройки 2 (близ дополнительного выхода) было исследовано скопление КЖ, среди которых выделялись 5 нижних челюстей крупного рогатого скота (у 3-х были отчленены крайние резцовые отделы; 2 образовывали полукруг вокруг истлевшего столба). На краю скопления размещались аккуратно сложенные камни. Среди костей находились фрагменты керамики, тупик¹⁶ и округлое каменное изделие – по автору, “пест” или “пращевой снаряд” [Лопатин 2009, с. 41-42]. Поскольку использование срубниками пращи до сих пор никто из трасологов не доказал, более вероятным будет считать, что перед нами – все-таки пест или терочник. В.А. Лопатин трактует рассмотренное скопление как остатки “некоего домашнего святилища” [Лопатин 2009, с. 41] и допускает, что “данный набор артефактов, возможно, был посвящен культу углового столба” [Лопатин 2009, с. 42]. По крайней мере, первое предположение можно принять.

На поселении Усть-Курдюм (Усть-Курдюмское) Саратовской обл. в “хозяйственной яме”, исследованной в “подсобном помещении” постройки, находились 2 неповрежденные керамические литейные формы и каменные кузнечные инструменты, в т.ч. – плита-наковальня, молоты, молоточек и 3 “песта” [Лопатин, Хоркин 1997а, с. 72; 1997б, с. 93; Хоркин 2000, с. 63; Малов 2003, с. 130]. Уточним, что, по мнению Н.М. Малова, “литейные формы” на самом деле являлись крышками от литейных форм [Малов 2003, с. 130]. Исследователь трактует данный комплекс как “клад (склад) инструментов кузнеца-литейщика” [Малов 2003, с. 130]¹⁷. На наш взгляд, нельзя исключать того, что перед нами – культовый комплекс. В пользу этого свидетельствуют два момента:

¹⁵ При описании этой ямы в коллективной монографии [Обыденнов и др. 2000, с. 64] про слиток бронзы, “пест” и костяное лоцило почему-то ничего не говорится. Видимо, путаница в описании материалов поселения привела к тому, что по поводу этого комплекса авторы пишут: “Находки в яме указывают на ее хозяйственные функции” [Обыденнов и др. 2000, с. 64].

¹⁶ В.А. Лопатин пишет, что тупик изготовлен из нижней челюсти лошади [Лопатин 2009, с. 41], однако, судя по рисунку [Лопатин 2009, рис. 4, 3], в качестве сырья взята левая половина нижней челюсти крупного рогатого скота. Подобные ошибки в определении сырья тупиков традиционны [Tallgren 1929, S. 22, Abb. 6; Кривцова-Гракова 1948, с. 123; др. работы; об этом см.: Подобед и др. 2011, с. 94, прим. 6, 97, прим. 11, 103, прим. 15]. Обратим внимание и на случай, когда тупики из частей нижних челюстей лошадей, что хорошо видно на фото [Мыльников, Мыльникова 2011, рис. 3, 1] трактуются, как изготовленные “из ветвей нижних челюстей коров” [Мыльников, Мыльникова 2011, с. 192].

¹⁷ Д.А. Хоркин тоже склоняется к мысли, что это “склад?” (вопрос поставлен автором публикации [Хоркин 2000, с. 63]).

1. Предметы составляли набор;

2. В чисто утилитарном “кладе (складе)” резонно было бы ожидать находение не только крышек от литейных форм, но и самих форм.

Более надежно можно атрибутировать как культовый другой комплекс из того же жилища. В яме 6 (юго-восточная часть котлована) выявлены “терка” из песчаника, глиняный “жертвенный хлебец” и фрагмент глиняного “колесика от культовой модели повозки” [Хоркин 1998, с. 80; 2000, с. 65].

На поселении Сухая Мечетка IV Волгоградской обл. в зольнике, находившемся в котловане постройки, наряду с фрагментами керамики (в т.ч. – с “загадочными знаками”, “граффити” и рисунками), целыми сосудами, поставленными вверх дном, костями животных, обработанными астрагалами, каменным предметом фаллической формы, бронзовыми браслетом и иглой, кремневым наконечником стрелы и глиняными орнаментированными пряслицами, и дисками присутствовали “песты” [Мыськов, Лапшин 2007, с. 25-27]. Авторы публикации убедительно показали, что многие артефакты из зольника связаны с “обрядовыми действиями” [Мыськов, Лапшин 2007, с. 25-27]. Словом, перед нами – классическая “сакральная свалка”, по терминологии В.Н. Горбова [Горбов, Кабанова 2010, с. 89].

На поселении Мосоловка Воронежской обл. РФ в котловане 10 к северу от центрального очага находилась яма, в заполнении которой были обнаружены фрагменты керамики, КЖ, небольшой орнаментированный сосуд и “пест” [Пряхин 1993, с. 55].

На поселении Вареновка III Ростовской обл. РФ в жилище 1(5) “пест” также был выявлен в яме. Помимо него, здесь находилась еще и “наковаленка”. Данная яма локализовалась у юго-западной стенки постройки. По мнению автора публикации, мы имеем дело со “строительной жертвой” [Потапов 2000, с. 23].

На поселении Почтовое Ростовской обл. возле каменной конструкции, которую авторы публикации предположительно назвали остатками ограды загона для скота, было обнаружено скопление каменных орудий, включавшее два “песта-терочника” и тесло из сланца [Цыбрий, Ларенок 2009, с. 52].

Обратим внимание на интересный жертвенный комплекс поселения Левинсадовка Ростовской обл., где исследованное сооружение 1 и площадка вокруг него является, по мнению авторов публикации, частью большего “священного” участка [Vodolazhskaya, Larenok 2013, p. 16]. На этом “священном” участке сосредоточены скопление костей животных, а также каменные орудия – обломок зернотерки, ступка, целая зернотерка и четыре терочника [Vodolazhskaya, Larenok 2013, p. 16, fig. 12]. Один из терочников лежал снаружи у юго-западного угла сооружения 1, другой – внутри сооружения 1 возле стенки [Vodolazhskaya, Larenok 2013, p. 17].

На поселении Янохино Харьковской обл. в юго-восточном углу котлована землянки (у стенки) располагались “пест” и не очень далеко от него – глиняное пряслице, а бронзовый нож лежал в северо-восточном углу [Митрофанова 1960, с. 63, рис. 1].

На руднике Червонэ Озеро 1 Луганской обл. во рве были выявлены скопления кусков медистого песчаника. Среди камней находились орудия из ребер и трубчатых костей животных, каменные мотыги, кайла, молоты, отбойники, рудодробильные плиты, абразивы, диски и, что для нас наиболее важно, “песты” и “терочники”. Во рве были обнаружены также развалы 4 сосудов, а на его дне – “деревянная чаша” и каменный ящик из вертикальных плит (кенотаф, по предположению авторов публикации) [Бровендер, Загородняя 2007, с. 43]. Необычная форма сооружения и нестандартность его заполнения позволяют с большой долей вероятности считать ров культовым. Отметим, что размещение орудий, связанных с металлургическим производством, в скоплениях медистого песчаника рассматривалось и другими авторами в связи с культовой практикой [Бровендер та ін. 2010, с. 90].

На поселении Червонэ Озеро 1 в “секторе Б” была исследована яма, находившаяся к северо-западу от постройки 1 (почти вплотную к ней). В заполнении ямы выявлен “пест” из

кварцитовидного песчаника. Другие находки из нее представлены медистым песчаником в виде мелкого щебня и крупных кусков, КЖ, фрагментами сосудов (в т.ч. 2 развала), 2 орудиями из ребер животных и серией артефактов, связанных с металлургическим производством (обломок плавильной чаши, фрагменты ошлакованной керамики, куски песчаника с ошлакованной поверхностью, кусочки штейна) [Бровендер, Загородняя 2010, с. 43].

На поселении Зливки Донецкой обл. в раскопе 1983 г. было обнаружено скопление орудий, служивших, по мнению автора публикации, “для обработки руды”. В его состав входили “куранты”, “молот (пест вторичного использования)”, “утюжок” и большая полированная галька [Швецов 1985, с. 374].

На поселении Усово Озеро, Донецкой обл. в жилище 1, в северо-западной части, был исследован очаг 3. В нем и рядом с ним находились угли, кальцинированные кости, обожженные камни, шлаки, фрагменты керамики и глиняных литейных форм, фрагмент костяного псаля, бронзовый нож, кремневый серп, каменные отбойники, абразивы, обух сверленого топора и “растиральники” [Березанская 1990, с. 18]. Тяготение перечисленных артефактов к очагу, присутствие среди них такой металлоемкой вещи, как бронзовый нож, которая уж явно не могла быть выброшена за ненадобностью, – серьезные аргумент в пользу того, что рассматриваемый комплекс является культовым.

В очаге, локализовавшемся в северо-восточной части жилища 2 того же поселения, и рядом с данным очагом были обнаружены фрагменты глиняных литейных форм, кусочки шлаков, фрагмент бронзового орудия, половинка глиняного пряслица, кремневая проколка, фрагменты каменных сверленных топоров, зернотерок, точил, молотков и “терочники” [Березанская 1990, с. 20]. Набор артефактов во многом тождествен описанному выше, что позволяет и данный комплекс отнести к культовым.

В том же жилище в одной из “хозяйственных ям” находились зернотерка и “пест” [Березанская 1990, с. 20].

В южной половине жилища 3 поселения Усово Озеро в заполнении очага были выявлены шлаки, развалы сосудов, костяной гарпун и серия каменных “орудий для дробления и растирания руды” [Березанская 1990, с. 22].

На поселении Николаевка Донецкой обл. в “хозяйственной яме”, находившейся в “хозяйственном помещении № 3” (у северной стенки котлована), были обнаружены, наряду с костяными тупиком и лощиком, каменные “болас” и “растиральник” [Привалова, Привалов 1987, с. 98].

В жилище 4 Николаевского поселения, близ очага, локализовавшегося у выхода из постройки, размещались каменные “гладильник-утюг”, точило, 2 “растиральника” и “пест”, а также костяные тупик и 2 проколки. В самом очаге была обнаружена, помимо пережженных костей и фрагментов керамики, костяная стрела [Привалова, Привалов 1987, с. 98].

В жилище 5 этого же поселения, у юго-западной стенки, была расчищена “хозяйственная яма 1”. В ней выявлены КЖ, фрагменты керамики и каменный “растиральник” [Привалова, Привалов 1987, с. 98].

На поселении Безыменное II Донецкой обл. в пристройке жилища 5 находилась яма 3, где найдены фрагменты керамики, зернотерка и “терочник”. Авторы публикации трактуют комплекс как “закопанную жертву” [Горбов, Мимоход 1999, с. 28].

На этом же поселении, в кладке блока помещений 29, были обнаружены залежавшие рядом каменное тесло для работы по дереву или кости и “терочник” для растирания красной краски. По мнению авторов публикации, комплекс может быть интерпретирован как строительная жертва [Горбов, Мимоход 1999, с. 27].

Аналогичная ситуация, вероятно, имела место и на поселении Богдановская Балка Донецкой обл. Здесь под развалом камней постройки находился “растиральник” из гальки [Посредников 1994, с. 138]. В данном случае велика вероятность того, что интересующий

предмет изначально находился в кладке, а потому также может быть причислен к строительным жертвам.

На поселении Богуслав (Богуслав 1) Днепропетровской обл. в т.н. “культовом месте № 1”, справедливо трактуемом автором публикации как святилище, в северо-западной его части, было прослежено блюдцеобразное углубление. В нем залегали КЖ (в основном, мелко раздробленные и обожженные), фрагменты керамики, кусочки печины, осколки кремня, обломки зернотерок и “растиральников”. Местами фиксировались следы охры и остатки кострищ [Ромашко 1993, с. 85, 87; 2013, с. 292-293].

На поселении Луковка Черкасской обл. Украины фрагменты “растиральников” выявлены в золистом заполнении небольшого котлована наряду с КЖ, фрагментами керамики, камнями, костяным наконечником стрелы, отходами производства заготовок для костяных наконечников стрел, костяными орудиями кожевенного и гончарного производств, керамическим ритуальным “хлебцом”, обломками зернотерок и абразивов. По мнению автора публикации, данный объект мог являться культовым [Куштан 2012, с. 252-254].

Анализ перечисленных выше поселенческих комплексов позволяет выдвинуть некоторые допущения относительно нюансов обрядового использования “пестов” и “терочников”. Прежде всего обратим внимание на то, что значительная часть данных артефактов выявлена в местах, которые, судя по этнографическим данным, могли рассматриваться как границы с иным миром и, соответственно, медиативные локусы (каналы связи), где возможны контакты с этим миром. К таким локусам относятся прежде всего дверные проемы [Байбурин 1983, с. 136; Жуковская 1988, с. 19-21; Соломатина 1990, с. 92; Булава 2005, с. 68; Віхрова 2013, с. 217; и др.], углы построек [Подобед и др. 2014] и их стены [Антонова 2013, с. 47]. В частности, локализацию “пестов” и “терочников” близ выходов из построек демонстрируют комплексы из Нижней Красавки и Николаевки (ж. 4), приуроченность “песта” к углу жилища – комплекс из Сачкова Озера, Янохино и Левинсадовки (в последнем случае – снаружи у угла постройки), тяготение рассматриваемых изделий к стенам – комплексы из Вареновки III, Николаевки (ж. 5 и хозяйственное помещ. 3), Безыменного II (помещ. 29), Богдановской Балки, Левинсадовки (сооружение 1). Вероятно, о локализации “пестов-терочников” на границе правомерно говорить и применительно к комплексу из Почтового. Следует добавить, что объектами, где могут открываться каналы связи с иномиром, считались и очаги [Подобед и др., 2014в, с. 107-108]. Тяготение к ним “пестов” и “терочников” также фиксируется в срубной культуре. Например, оно имело место в комплексах из Горного-1 (яма 41), Мосоловки (котлован 10), Николаевки (ж. 4)¹⁸. Приведенные выше факты позволяют сделать вывод, что носители срубной культуры помещали “песты” и “терочники” в каналы связи с иным миром довольно часто. Предположить, почему они это делали, позволяют этнографические данные. Так, в селении Тавиль-Дара Горно-Бадахшанской АО Таджикистана после того, как из дома выносили покойника, на пол клали пест [Бабаева 1993, с. 101]. Место, где омывали умершего, памирцы также рассматривали как магически опасное: считалось, что наступивший на него может заболеть. Поэтому на данное место клали различные предметы, в т.ч. песты [Бабаева 1993, с. 65]. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с отголосками представлений о возможности с помощью рассматриваемых орудий отвращать злые силы. Параллели из верований ираноязычных памирцев в нашем случае вполне корректны, поскольку носители срубной культуры принадлежали к иранским народам. Охранительная функция пестов угадывается и в обряде изгнания злых духов, практиковавшемся киргизами. В ходе данного обряда женщина обходила юрту и при этом стучала пестом по ступе [Абрамзон 1949, с. 99]. В свете отмеченного правомерно допущение, что песты и терочники в срубной культуре могли

¹⁸ Обратим внимание на интересный комплекс андроновского поселения Ушкатты II, где возле очага найдены пест, каменная мотыга, кусок красной охры, обломок двулезвийного ножа и вылепленная из глины фигурка двугорбого верблюда [Фомичев 2011, с. 158].

считаться оберегами¹⁹. Подтверждением данной гипотезы служит нахождение “пестов” в отслужившем свой век колодце поселения Тюбак. Дело в том, что колодец во многих традициях считался входом в мир мертвых [Подобед и др. 2014а, с. 287-290]. Нахождение “пестов” и “терочников” вне захоронений в срубных курганах и грунтовом могильнике, скорее всего, также является следствием использования названных изделий в охранительной магии.

В почти половине поселенческих культовых комплексов (как минимум, в 12) “песты” и “терочники” были выявлены в ямах. Поскольку многие культовые ямы, обнаруженные на срубных поселениях, правомерно трактовать как т.н. “емкостные жертвенники” (см.: [Мимоход 2000, с. 87-88]), уместно предположить, что интересующие нас артефакты носители срубной культуры охотно приносили в жертву. О том, в каких случаях это могло происходить, пока говорить рано. Но, по крайней мере, можно допускать использование пестов и терочников в качестве строительных жертв, что демонстрируют материалы Вареновки, Богдановской Балки и Безыменного II (блок помещений 29).

В ряде культовых комплексов “песты” и “терочники” коррелировались со ступкой (Сачково Озеро, Левинсадовка), зернотерками или их фрагментами (Усово Озеро ж. 2, Богуслав, Левинсадовка)²⁰. Устойчивость этого сочетания позволяет допускать, что в упомянутых комплексах мы сталкиваемся со следами изготовления каких-то обрядовых “зелий”, в т.ч., возможно, и пресловутой Сомы или ее наркотических аналогов. В то же время, сакральным мог являться не только конечный продукт данных манипуляций, но и сам процесс измельчения. В частности, по мнению Ю.И. Михайлова, появление в культовых комплексах комплексов “зернотерка (или ее фрагмент) + пест” связано с тем, что “на символическом уровне размельчение, перемалывание выступали как акт сакрального воспроизводства” [Михайлов 2001, с. 200]. Аналогичная мысль высказывалась и С.В. Сотниковой. Отталкиваясь от того факта, что во многих мифологических системах мир возникает в результате нарушения первичной целостности, исследовательница выдвинула предположение, согласно которому в верованиях андроновского населения разбивание, разрывание, расчленение и т.д. могли ассоциироваться с творением мира [Сотникова 2008, с. 310]. Словом, нельзя исключать, что измельчение с помощью песта или терочника каких-то субстанций в контексте определенных обрядов носителей срубной культуры преследовало цель упорядочить мир путем его символического воссоздания.

В яме 6, исследованной в жилище Усть-Курдюмского поселения, вместе с “теркой” выявлено “колесико от культовой модели повозки”. Поскольку подобных повозок в срубной культуре до сих пор не известно, резоннее будет считать, что мы имеем дело с пряслицем. Последние же семантически связаны с широким кругом представлений, в т.ч. с мифологемами непрерывного движения, продолжения жизни, времени, “нитей судьбы” [Афанасьев 1995б, с. 164-165, 177-178; Полидович, Полидович 1999, с. 220-221; Цимиданов 1999, с. 226; Авилова 2010, с. 40-43]. Попадание песта в один контекст с пряслицем позволяет допускать, что и пест каким-то образом ассоциировался с представлениями данного круга. Добавим, что “текст” “пест (терочник) + пряслице”, вероятно, имел место и в комплексах других памятников – Сухая Мечетка IV, Янохино, Усово Озеро (очаг в северо-восточной части ж. 2).

Не исключено, что песты использовались в культовых действиях, ассоциировавшихся с половым актом. Об этом, возможно, свидетельствуют материалы Горного-1 и визуальное сходство некоторых пестов (особенно, имеющих т.н. “грибовидное навершие”) с мужским

¹⁹ В данной связи стоит отметить, что на окраине поселения коптяковского типа Балакино I Свердловской обл. РФ был обнаружен “клад”, включавший 9 пестов. По мнению Ю.Б. Серикова, он являлся “охранителем на границе освоенного и неосвоенного пространства” [Сериков 2012, с. 37, 41, 42].

²⁰ На Безыменном II в яме 3 в пристройке жилища 5 вместо песта с зернотеркой был положен ее верхний камень.

детородным органом (см., напр.: [Лев 1934, с. 17]). Применительно к некоторым культурам Азии подобная гипотеза уже предлагалась [Лев 1934, с. 17; Федоров 2001, с. 32; Михайлов 2002, с. 108; Илюшин 2004, с. 57-58; Ченченкова 2004, с. 8].

Собранная нами информация позволяет констатировать, что в срубной культуре обрядовое использование “пестов” и “терочников” было довольно разнообразным. Так, в ходе погребальных церемоний интересующие нас артефакты, с одной стороны, становились атрибутами умерших²¹, а с другой стороны, применялись в манипуляциях, совершавшихся вне могил и, вероятно, преследовавших цель обезвредить покойников.

Рассматриваемые орудия играли важную роль и в обрядах, связанных с металлургией. Свидетельством в пользу этого являются находки из “сакральных и жертвенных ям” Горного-1, ям поселений Родниковое, Тюбук и Усть-Курдюм, комплексов из Червоного Озера-1, Зливок и жилищ 1-3 Усова Озера. Во всех отмеченных случаях интересующие нас изделия коррелировались с орудиями горнодобывающего и/или металлургического производства, а подчас – и с медной рудой или шлаками²².

Песты и терочники могли быть также атрибутами скотоводческих обрядов [Михайлов 2002, с. 108], если сооружение, исследованное на поселении Почтовое, действительно являлось загонем для скота.

Поскольку “песты” присутствовали в зольнике поселения Сухая Мечетка IV, а фрагменты “растиральников” – в золистом заполнении котлована поселения Луковка, правомерно сделать допущение, что данные орудия были связаны с культом домашнего очага и огня. Возможно, тяготение части “пестов” и “терочников” к очагам также фиксирует их использование в обрядах поклонения очагу и/или огню. Отметим, что связь пестов с “магико-религиозной силой огня” уже допускалась Н.А. Аванесовой [2004, с. 409]. Добавим, что А.Н. Афанасьев высказал идею об ассоциации песта с “небесным огнем” – молнией и, соответственно, богом-громовиком [Афанасьев 1995а, с. 148], но на срубных материалах проследить это пока не удастся²³.

Подводя итог нашему поиску, можно сделать вывод, что “песты” и “терочники” в срубной культуре имели высокий семиотический статус. Эти орудия, несомненно, были полисемантическими и, в силу последнего, включались в контекст самых разнообразных обрядов.

²¹ Обратим внимание на довольно далекую, но яркую аналогию, где песты и духи/мертвые сливаются воедино: в фольклоре йоруба (Западная Африка) мир духов/мертвых описывается, как “... страна, где люди стоят на голове и долбят головой ямс в ступе” [Мелик-Симонян 1978, с. 46, прим. 40].

²² В связи с этим упомянем, что на поселении древних металлургов Талдысай, Карагандинская обл., РК, относящееся ко второй половине II тыс. до н.э. – рубежу II-I тыс. до н.э., при разборке жертвенной площадки среди нескольких скелетов крупных копытных “под крестцом” был найден фрагмент каменного песта. Помимо этого, под костями животных лежали фрагменты керамики, тупик и “костяное серповидное орудие” [Курманкулов и др. 2005, с. 246]. Данная жертвенная площадка перекрывала каменный ящик и яму, связанную с металлургическим производством [Курманкулов и др. 2008, с. 181-182]. Песты найдены, к слову, и в производственном помещении, связанном с производством металла андроновского поселения Шандаша Урало-Мугоджарского региона [Фомичев 2011, с. 159].

²³ Обратим внимание, что, говоря о жертвенном комплексе поселения Левинсадовка, исследователи посчитали фрагменты терочников и зернотерок осколками неба и Луны, своеобразными моделями “громовых камней” [Vodolazhskaya, Larenok 2013, p. 20].

**Краткая информация о погребениях срубной культуры
с “пестами” и “терочниками”**

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Оренбургская обл.

1. Свердловло IV 1/26. Погребение являлось впускным в курган. Размеры могильной ямы – 1,06×0,60 м. Умерший (подросток) был уложен скорчено на левом боку на северо-восток головой. “Пест” – “продолговатый камень, стертый на одном конце” (рисунок в публикации отсутствует) находился у стоп погребенного [Халяпин 1998, с. 60];

Астраханская обл.

2. Комсомольское п. 16. Погребение выявлено в грунтовом могильнике. Размеры могильной ямы – около 0,95×0,75 м. Комплекс являлся кенотафом. Яма была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В ее северо-восточной части, образуя целостную группу, лежали каменные “пест” (рис. 2, 1) и диск, бронзовые клепаный металлический сосуд, нож, шило и бритва. Другой инвентарь – бронзовая бусина, золотая височная подвеска и фрагменты деревянных предметов неясного назначения [Boroffka, Sava 1998, S. 84, Abb. 47];

Волгоградская обл.

3. Красновский II 4/2²⁴. Погребение являлось впускным в курган. Размеры могильной ямы – 1,79×1,34 м. На дне прослежены остатки подстилки из куги. Костяк подвергся разрушению, но, судя по ориентировке ямы, умерший (взрослый) был уложен на северо-восток головой. “Терочник” (серый песчаник) (рис. 2, 2), очевидно, был помещен в ноги погребенного. Другой инвентарь – фрагментированный сосуд. В могиле выявлены также остатки мясной пищи (ребра и фрагмент кости конечности барана) [Мамонтов 2005, с. 164];

Воронежская обл.

4. Лофицкое 1/5. Погребение являлось впускным в курган и сопровождалось досыпкой. Размеры могильной ямы – 4,77×2,55 м. В ней прослежены остатки столбовой конструкции. На дне зафиксированы следы подстилки из коры, лежавшие на слое мела²⁵. Комплекс являлся кенотафом. Яма была ориентирована по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. В ее центральной части лежали кварцитовая “краскотерка” – подпрямоугольная с закругленными углами плитка размерами около 23,0×15,0 см с вогнутой поверхностью, на которой видны были следы охры, “полировальник” (сланец) (рис. 2, 5), “пест” (известняк) (рис. 2, 3). Другой инвентарь – 3 керамических сосуда и 2 бронзовые височные подвески. В могиле выявлены также остатки мясной пищи (ребра барана) и скопление охры, которое, вероятно, находилось в сосуде из органического материала [Погорелов 1985, с. 87];

5. Мастюгино (урочище Труфановское) п. 1 (номер кургана в публикации не указан). Погребение являлось основным в кургане. Над могилой была сооружена шатровая конструкция из бревен, затем, вероятно, сожженная. В насыпи выявлен фрагмент сосуда. Фрагменты керамики были и на перекрытии могильной ямы. Размеры последней – 2,5×2,4 м. Умерший (мужчина 40-50 лет) был уложен скорчено на левом боку на северо-восток головой по диагонали могильной ямы (была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад) и при этом смещен в ее северо-восточный угол. “Пест” (рис. 2, 4) находился в ногах погребенного. Другой инвентарь – 2 сосуда и бронзовый нож. В могиле выявлены также остатки мясной пищи (ребра). Тело покойника было обожжено. На костях и погребальном инвентаре прослежен тонкий слой глины [Золотарев 1999, с. 102-106];

²⁴ В территориальном плане погребение относится к Среднему Подонью.

²⁵ Впрочем, белый налет на дне и стенках могил может образовываться и естественным путем [Борисов и др. 2006, с. 16-17].

УКРАИНА

Донецкая обл.

6. Райское 1/9²⁶. Погребение являлось впускным в курган. Размеры могильной ямы не установлены. Кости истлели, а потому положение костяка и его ориентировка не восстанавливаются. Близ костного тлена находился “жернов” (заполированный камень; рисунок в публикации отсутствует) [Городцов 1907, с. 352];

7. Приовражное 2/5. Погребение являлось впускным в курган. На перекрытии могилы выявлены фрагменты сосуда. Размеры могильной ямы – 1,35×1,0 м. Костяк был разрушен, но, судя по ориентировке ямы, умерший (взрослый ?) был уложен на восток головой. “Пест” (рис. 2, 7) находился в западной части ямы, т.е. – в ногах погребенного [Привалов и др. 1978];

8. Зинцева Балка 4/7 (рис. 1). Погребение являлось впускным в курган. С ним, и, возможно, еще какими-то захоронениями данного кургана была связана досыпка. На перекрытии могилы находился сосуд. Размеры могильной ямы – 1,48×1,13-0,95 м. Умершая (женщина 17-19 лет) была уложена скорчено на правом боку на восток. Пест-растиральник (рис. 2, 6) размещался напротив тазовых костей [Подобед и др. 2013а, с. 210, 212];

Днепропетровская обл.

9. Преображенка VIII 1/3. Погребение являлось впускным в курган и, вероятно, сопровождалось досыпкой. На перекрытии могильной ямы выявлены КЖ (челюсть и трубчатая). Размеры могильной ямы – 1,20×1,15 м. В ней сохранились остатки сруба. Комплекс представлял собой кенотаф. Яма была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. “Пест” (гранит) (рисунок в публикации отсутствует) находился в ее северо-восточном углу. Другой инвентарь – 1 сосуд и бронзовый нож. На дне могилы был слой мела, а в центре нее – пятно охры [Ковалева и др. 1981, с. 23];

Запорожская обл.

10. Ясиноватое II 26/3. Погребение являлось впускным в курган и сопровождалось досыпкой. Его окружало сооружение из бревен в виде квадрата 3,0×3,0 м. Умерший (взрослый) был уложен скорчено на левом боку на восток-северо-восток головой. “Овальный камень из мягкой породы” (на рис. 42, 5 – “растиральный камень”) (рисунок в публикации отсутствует) находился у лица. Другой инвентарь – 1 сосуд [Ляшко и др. 2004, с. 34];

Херсонская обл.

11. Вильна Украина 3/2. Данные о том, являлось ли погребение основным в кургане или впускным, в публикации отсутствуют, как и информация об ориентировке могильной ямы. Размеры последней – 2,6×1,9 м, глубина – 1,85 м. Погребение было “ограблено”²⁷. В нем выявлен подтреугольный “терочник” (рисунок в публикации отсутствует). Другой инвентарь – 2 сосуда, деревянная чаша с бронзовыми накладками и бронзовый нож. В могиле были также КЖ (в т.ч. – зубы коровы) [Отрошенко, Формозов 1988, с. 168-169];

Николаевская обл.

12. Ковалевка I 3/8. Погребение являлось впускным в курган. Размеры могильной ямы не установлены. Умерший (взрослый) был уложен скорчено на правом боку на юго-восток головой. “Терочник” (песчаник) (рис. 3 I) находился в ногах. Другой инвентарь – 1 сосуд [Ковпаненко и др. 1978, с. 26];

Крым

13. Наумовка 7/1. Погребение являлось впускным в курган. В заполнении могилы выявлены фрагменты сосуда. Размеры могильной ямы – около 1,65×1,1 м. В ней находился каменный ящик.

²⁶ Хотя комплекс был разрушен и сосуд в нем не выявлен, срубная культурная атрибуция его, тем не менее, весьма вероятна, поскольку в кургане была серия впускных, как и это, срубных захоронений.

²⁷ Не исключено, что разрушение захоронения имело обрядовый характер [Подобед и др. 2014б].

Погребение относится к вторичным. Череп и кости конечностей женщины 65-70 лет были сложены таким образом, что их расположение имитировало сильно скорченное на левом боку погребение с восточной ориентировкой. “Терочник” (известняк) дисковидной формы найден в яме, которая разрушила восточную часть захоронения. Отсюда принадлежность артефакта к данному комплексу имеет очень высокую степень вероятности. Другой инвентарь – 1 сосуд [Копьева, Колтухов 2010, с. 36];

14. Солдатово 3/5²⁸. Погребение являлось впускным в курган. Размеры могильной ямы не установлены. Умерший (взрослый) был уложен скорчено на правом боку на восток – юго-восток головой. “Терочник” (песчаник) (рис. 3, 2) находился в головах. Другой инвентарь – 1 сосуд [Колотухин, Тощев 2000, с. 26].

Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В.

“ТОВКАЧІ” ТА “РОЗТИРАЛЬНИКИ” В ОБРЯДАХ ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ

У похованнях зрубної культури зустрічаються знаряддя для подрібнення різної сировини. Їх найчастіше називають “товкачами” і “розтиральниками”. Ці терміни дуже умовні, тому тільки трасологічний аналіз дозволяє з’ясувати, чи використовувалася знаряддя для дроблення або для розтирання, але в більшості випадків цей аналіз не проводився. Поховання зрубної культури з розглянутими артефактами майже не привертали увагу дослідників. Автори поставили за мету проаналізувати їх. Всього нами враховано 14 поховань, що містили “пести” і “розтиральники”. Нам відомо також 7 випадків, коли розглядаються артефакти, що перебували поза могильних ям (6 курганів і 1 ґрунтовий могильник), і 30, коли вони входили до складу культових комплексів на поселеннях. В результаті аналізу комплексів з “товкачами” і “розтиральниками” була зроблена серія висновків, найважливіші з яких наступні: а) “пести” і “розтиральники” використовувалися в обрядах на всій території зрубної культурно-історичної спільноти від Південного Уралу на сході до Дніпровського Правобережжя на заході, причому це фіксується на всьому протязі існування зрубної культури; б) з “товкачами” і “розтиральниками” ховали, в основному, дорослих, причому – і чоловіків, і жінок; в) велика частина людей, в могили яких клалися вироби, що розглядаються, займали високе положення в суспільстві; є підстави вважати, що вони були служителями культу; г) “пести” й “розтиральники” ставали атрибутами різноманітних обрядів, зокрема спрямованих на упорядкування світу, були пов’язані з культом вогню і домашнього вогнища, використовувалися в якості медіаторів в ході контактів з “вищими силами”.

Ключові слова: пізній бронзовий вік, зрубна культура, поховання, поселення, товкачі, розтиральники, семантика.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.

“PESTLES” AND “GRINDSTONES” IN THE RITES OF TIMBER-GRAVE CULTURE

The tools for grinding of various raw materials are found in the Timber-Grave culture burials. They are usually called “pestles” and “grindstones”. These terms are conditional ones since only the trace analysis permits us to determine whether a crushing or grinding tool had been used. Unfortunately, this analysis was not made in most cases. The Timber-Grave culture burials with the artefacts under discussion could hardly attract the researchers’ attention. The authors’ goal was to analyse them. In total, 14 burials which contain “pestles” and “grindstones” were considered. There are 7 cases when the artefacts were out of graves (6 barrows and 1 burial ground) and 30 ones when they were included to the religious complexes at settlements. The analysis of the complexes with “pestles” and “grindstones” has led us to some conclusions, the most

²⁸ В публикации погребение без достаточных на то оснований отнесено к культуре многоваликовой керамики. Кстати сказать, в таблицах, имеющих в данной работе, погребение числится среди срубных [Колотухин, Тощев 2000, табл. X, 23], равно как и в вышедшей позднее монографии Г.Н. Тощева [2007, рис. 95, 11]. Добавим, что могильник иногда фигурирует под названием “Шалаш” [Колотухин, Тощев 2000, табл. X, 23].

important of them are as follows: a) the “pestles” and “grindstones” were used in ceremonies throughout the whole area of the Timber-Grave culture from the Southern Urals in the east to the right bank of the Dnieper in the west during the entire period of the Timber-Grave culture; b) there were mostly adults (both men and women) buried with “pestles” and “grindstones”; c) the most of the people in whose graves the tools were placed obtained a high rank position in their society; for some reasons they can be considered as ministers of religion; d) the “pestles” and “grindstones” become attributes of different rituals including those aimed at adjustment the world, were associated with a cult of fire and hearth, and were also used as mediators in contacts with “higher powers”.

Keywords: Late Bronze Age, Timber-Grave culture, burials, settlements, pestles, grindstones, semantics.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая / М.Т. Абдулганеев, Н.Ю. Кунгурова // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: изд-во АлтГУ, 1993. – С. 191-202.

Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка (Из обычаев и обрядов тяньшаньских киргизов) / С.М. Абрамзон // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. XII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 78-138.

Аванесова Н.А. Случайные находки эпохи бронзы из фондов госмузея-заповедника Самарканда / Н.А. Аванесова // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 405-414.

Авилова Л.И. Золотое веретене / Л.И. Авилова // РА. – 2010. – № 3. – С. 37-43.

Алаева И.П. К вопросу о новых видах погребальных сооружений алакульской культуры в Южном Зауралье / И.П. Алаева // Материалы международной научной конференции “Кадырбаевские чтения – 2007”. – Актобе, 2007. – С. 64-67.

Андреева М.В. К вопросу о поиске ранних следов индоиранского культа Сомы/Хаомы в археологических источниках / М.В. Андреева // Древность: историческое значение и специфика источника. – М.: ИВ РАН, 2011. – С. 31-34.

Антонова Е.В. О символизации жилища / Е.В. Антонова // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник статей в честь М.Н. Погребовой. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – С. 34-57.

Археологические памятники Иштугановского водохранилища в Башкирской АССР. Каталог / Сост. М.Ф. Обыденнов, И.М. Акбулатов, Г.Н. Гарустович, В.С. Горбунов и др. – Уфа, 1988. – 52 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995а. – Т. 1. – 416 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995б. – Т. 3. – 416 с.

Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века) / Н.С. Бабаева. – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. – Л.: Наука, 1983. – 189 с.

Балонов Ф.Р. Раскопки Гашинских курганов / Ф.Р. Балонов // АО-1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 244-245.

Бандрівський М. Клепані “казани” і дволезі сокири: щодо витоків релігійних уявлень на заході українського лісостепу в пізній період епохи бронзи / М. Бандрівський // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2007. – Вип. 11. – С. 38-64.

Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская. – К.: Наук. думка, 1990. – 150 с.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура) / В.А. Борзунов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 188 с.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы / В.С. Бочкарев. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – 231 с.

Бровендер Ю.М. Исследования на Картамыше в 2007 году / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // Археологічні відкриття на сході України в 2007 р. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. – С. 41-46.

Бровендер Ю.М. Орудия металлопроизводства поселения Червонэ Озеро-3 Картамышского комплекса горно-металлургических памятников эпохи бронзы / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // МДАСУ. – Вып. 9. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2009. – С. 251-262.

Бровендер Ю.М. Раскопки поселения эпохи бронзы Червонэ Озеро 1 на Картамышском рудопоявлении в Центральном Донбассе / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // АДУ-2009. – К.; Луцьк, 2010. – С. 42-44.

Бровендер Ю.М. Картамиський комплекс гірничо-металургійних пам'яток бронзового віку в Центральному Донбасі / Ю.М. Бровендер, В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхін // Археологія. – 2010. – № 2. – С. 87-101.

Булава А. Дом и его “обитатели” в мифологии восточных славян // Антропологические исследования в Молдове / А. Булава. – Кишинев: ВАШ, 2005. – С. 93-103.

Васильева И.Н. Поселение Сачково Озеро / [И.Н. Васильева, Е.В. Козин, Л.С. Кулакова, Н.П. Салугина] // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 58-102.

Віхрова Т.В. Житло та господарчі споруди / Т.В. Віхрова // Традиційно-побутова культура Луганщини кінця ХІХ – початку ХХ століття / Краєзнавчі записки. – Вып. VI. – Луганськ: Прес-експрес, 2013. – С. 203-221.

Гарустович Г.Н. Таналыкское I поселение / Г.Н. Гарустович, В.Г. Котов // УАВ. – Вып. 6-7. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. – С. 32-49.

Горбов В.Н. Некоторые аспекты культовой практики населения эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Е.В. Кабанова // АА. – № 21. – Донецк: ООО “Лебедь”, 2010. – С. 86-103.

Горбов В.Н. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, Украинский культурологический центр, 1999. – С. 24-69.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье / В.С. Горбунов. – Куйбышев: КГПИ, 1989. – 134 с.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе 1905. – М., 1907. – Т. I. – С. 286-365.

Дергачев В.А. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев. – Кишинев: ВАШ, 2002. – 348 с.

Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) / И.И. Дремов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. – Вып. 5. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 72-93.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 1988. – 197 с.

Загородняя О.Н. Орудия металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры (по материалам Картамышского археологического микрорайона): дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.04 – “Археология” / Ин-т археологии НАН Украины. – К., 2014. – 363 с.

Золотарев П.М. Охранные раскопки кургана у с. Мастюгино / П.М. Золотарев // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 101-106.

Илюшин А.М. О времени появления земледелия на территории Восточного Казахстана / А.М. Илюшин // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – № 1 (242). – Алматы: НИЦ “Ғылым”, 2004. – С. 49-59.

Исамиддинов М. Каменные орудия из Коктепа / М. Исамиддинов, Н. Алмазова, К. Рапен // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 35. – Самарканд: Изд-во “ФАН” АН РУз, 2006. – 69-78.

Килейников В.В. Функциональная оценка каменных орудий кургана 1 группы Селезни-2 / В.В. Килейников // А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. – С. 40-41.

Килейников В.В. Функциональный анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры / В.В. Килейников // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 117-142.

Ковалева И.Ф. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья / [И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко, Н.В. Чернявская, А.М. Христан] // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск: Изд-во Днепр гос. ун-та, 1981. – С. 19-44.

Ковпаненко Г.Т. Раскопки курганов у с. Ковалевка / Г.Т. Ковпаненко, Е.П. Бунятян, Н.А. Гаврилюк // Курганы на Южном Буге. – К.: Наук. думка, 1978. – С. 7-132.

Колотухин В.А. Курганные древности Крыма. III (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-1986 гг. Сакский район Крымской области) / В.А. Колотухин, Г.Н. Тошев. – Запорожье: Изд-во Запор. ун-та, 2000. – 245 с.

Копьева Т.А. Курганы эпохи бронзы и скифский курганный могильник у села Наумовка в Западном Крыму / Т.А. Копьева, С.Г. Колтухов // АА. – № 22. – Донецк: Донбасс, 2010. – С. 13-38.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР / Г.Ф. Коробкова. – Л.: Наука, 1987. – 320 с.

Кравец Д.П. Два горнометаллургических орудия из Старого Каравана (Северский Донец) / Д.П. Кравец // ДАС. – № 4. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. – С. 183-189.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник / О.А. Кривцова-Гракова // Труды ГИМ. – Вып. XVII. – М., 1948. – С. 57-172.

Кривцова-Гракова О.А. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле / О.А. Кривцова-Гракова // МИА. – 1962. – № 115. – С. 5-55.

Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) / И.А. Кукушкин // РА. – 2011. – № 2. – С. 103-109.

Купцова Л.В. Родниковое поселение позднего бронзового века в западном Оренбуржье / Л.В. Купцова, И.А. Файзуллин // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. – Вып. 10. – С. 70-100.

Курманкулов Ж. Археологические исследования на поселении Талдысай в 2005 году / [Ж. Курманкулов, А.С. Ермолаева, А.Е. Ержанова, Д. Байтлеу, Ж. Калиева] // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе “Культурное наследие” в 2005 году. – Алматы, 2005. – С. 245-248.

Курманкулов Ж. Продолжение археологических исследований на поселении Талдысай / [Ж. Курманкулов, А.С. Ермолаева, А.Е. Ержанова, Ж. Калиева, А. Исаков] // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе “Культурное наследие” в 2007 году. – Алматы, 2008. – С. 179-183.

Куштан Д.П. Поселения доби пізньої бронзи Луківка на півдні лісостепового Побужжя / Д.П. Куштан // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матер. III Луганської міжнар. історико-археолог. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ, 2012. – С. 252-261.

Лазарь А.А. Золотые украшения кургана № 23 могильника Кырык-Оба II / А.А. Лазарь // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. – Караганда: Санат, 2004. – С. 66-68.

Лев Д.Н. К истории горного дела / Д.Н. Лев. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 34 с.

Ледяйкин В.И. Жертвенный погребальный комплекс Абрамовского II поселения / В.И. Ледяйкин, Ю.А. Семькин // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара: СГУ, 1991. – С. 112-130.

Литвиненко Р.А. Памятники Северского Донца в системе Доно-Донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы / Р.А. Литвиненко // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: тез. докл. конф. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. – С. 17-20.

Лопатин В.А. Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году / В.А. Лопатин // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 9. – Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. – С. 38-51.

Лопатин В.А. Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у села Усть-Курдюм / В.А. Лопатин, Д.А. Хоркин // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Вып. 2. – Саратов, 1997а. – С. 71-78.

Лопатин В.А. Срубный металлообрабатывающий комплекс на поселении Усть-Курдюм в Саратовском Правобережье / В.А. Лопатин, Д.А. Хоркин // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау. – Саратов: Изд-во СГПИ, 1997б. – С. 91-93.

Ляшко С.Н. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка) / С.Н. Ляшко, З.Х. Попандопуло, О.В. Дровосекова. – Запорожье: Дике Поле, 2004. – 188 с.

Малов Н.М. Литейные формы и предметы литейного производства с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области / Н.М. Малов // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. – М.: Изд-во ГИМ, 2003. – Ч. I. – С. 129-131.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Красненский II / В.И. Мамонтов // АВЛ. – Вып. 19: Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2005а. – С. 160-169.

Мандрыка П.В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трассологический анализ / П.В. Мандрыка, Е.В. Князева // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: История, филология. – Т. 10. – Вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск: НГУ, 2011. – С. 155-162.

Мелик-Симонян К.А. Образ ведуна в традиционных африканских верованиях / К.А. Мелик-Симонян // СЭ. – 1978. – № 2. – С. 39-52.

Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики / Р.А. Мимоход // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 86-93.

Мимоход Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы / Р.А. Мимоход // Проблемы археологии и архитектуры. – Донецк; Макеевка, 2001: Журнал “Донбас”. НСП Украины. – Т. 1: Археология. – С. 94-105.

Митрофанова В.И. Янохинское поселение срубной культуры на р. Осколе / В.И. Митрофанова // КСИА АН УССР. – 1960. – № 9. – С. 63-66.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы) / Ю.И. Михайлов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Михайлов Ю.И. Песты и жезлы с зооморфными навершиями: проблемы хронологии и ритуальная символика / Ю.И. Михайлов // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 106-109.

Мыльников В.П. Костяной инвентарь с поселения Линево-1 переходного от бронзы к железу времени / В.П. Мыльников, Л.Н. Мыльникова // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: История, филология. – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2011. – С. 183-196.

Мыськов Е.П. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники / Е.П. Мыськов, А.С. Лапшин. – Волгоград: Волго-Донское археологическое общество, 2007. – 100 с.

Обыденнов М.Ф. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале / [М.Ф. Обыденнов, В.С. Горбунов, Л.И. Муравкина, Г.Т. Обыденнова, Г.Н. Гарустович]. – Уфа: Изд-во Башгоспедун-та, 2001. – 159 с.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – К.: ІА НАН України, 2001. – 289 с.

Отрощенко В.В. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла / В.В. Отрощенко, А.А. Формозов // Studia Praehistorika. – Т. 9. – Sofia, 1988. – С. 141-178.

Петров Ф.Н. Каменный пест с зооморфным навершием с поселения эпохи бронзы Хрустальное III / Ф.Н. Петров // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Челябинск. ун-та, 2010. – Ч. 1. – С. 207-214.

Писларий И.А. Отчет о работе Северско-Донецкой Новостроечной экспедиции. – НА ІА НАНУ. – № 1973/96.

Погорелов В.И. Раскопки курганов на юге Воронежской области / В.И. Погорелов // Археологические памятники на европейской территории СССР. – Воронеж: Изд-во Воронеж. пединта, 1985. – С. 75-93.

Подобед В.А. Погребение срубной культуры из Комсомольского (Астраханская область): некоторые аспекты осмысления / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: матер. науч. конф. – Астрахань: Изд-во Астраханского ун-та, 2010. – С. 107-116.

Подобед В.А. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // МАСП. – Вып. 12. – Одесса: Печатный дом; Фаворит, 2011. – С. 86-124.

Подобед В.А. Курган срубной культуры могильника Зинцева Балка (Северо-Восточное Приазовье) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 17. – Донецк: Вид-во Дон. ун-ту, 2013а. – С. 199-219.

Подобед В.А. Срубная общность: две археологические культуры или внутрикультурная непрерывность? / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // АА. – № 30. – Донецк: Донбас, 2013б. – С. 196-256.

Подобед В.А. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО “ЛГПУ”, 2014а. – С. 283-293.

Подобед В.А. “Ограбление” могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. I. – Казань: Отечество, 2014б. – С. 628-631.

Подобед В.А. Очаги и кострища на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири как ритуальные объекты / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Археологияның шыңына шыққан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған “Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер” атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы. – Алматы, 2014в. – С. 101-115.

Подобед В.А. Углы жилищ как медиативные локусы (Поселения эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі атты “VI Оразбаев окулары” халықаралық ғылыми-тәжіривелік конференция материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2014г. – С. 87-94.

Полидович Ю.Б. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа / Ю.Б. Полидович, Е.А. Полидович // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды ГИМ. – Вып. 109. – М., 1999. – С. 217-223.

Посредников В.А. Материалы разведки поселения Богдановская Балка (Донецкий край, срубное и салтовское время) / В.А. Посредников // ДАС. – Вып. 5. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1994. – С. 125-140.

Потапов В.В. Жилища поселения Вареновка III / В.В. Потапов // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий: матер. науч. конф. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 23-26.

Привалов А.И. Отчет новостроечной экспедиции Донецкого госуниверситета за 1978 г. / А.И. Привалов, В.П. Андриенко, А.А. Моруженко. – НА ІА НАНУ. – № 1978/73.

Привалова О.Я. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье / О.Я. Привалова, А.И. Привалов // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 94-107.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. – 108 с.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы / А.Д. Пряхин. – Кн. вторая. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. – 176 с.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины / В.А. Ромашко // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1993. – С. 79-91.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) / В.А. Ромашко. – К.: КНТ, 2013. – 592 с.

Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале / Н.Г. Рутто. – Уфа: Гилем, 2003. – 212 с.

- Савва Е.Н.** К вопросу о пестах-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья / Е.Н. Савва // Известия Академии наук молдавской ССР. Серия общественных наук. – № 1. – Кишинев, 1987. – С. 62-71.
- Сарианиди В.И.** Колыбель пророка / В.И. Сарианиди // Наука в СССР. – 1988а. – № 5. – С. 118-127.
- Сарианиди В.И.** Протозороастрийский храм в Каракумах / В.И. Сарианиди // Природа. – 1988б. – № 11. – С. 117-118.
- Сериков Ю.Б.** К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков / Ю.Б. Сериков // СА. – 1977. – № 2. – С. 210-215.
- Сериков Ю.Б.** Клад пестов со стоянки бронзового века Балакино I (окрестности Нижнего Тагила) / Ю.Б. Сериков // УАВ. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – Вып. 12. – С. 37-43.
- Синицын И.В.** Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане / И.В. Синицын // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLV. – С. 62-73.
- Скакун Н.Н.** Экспериментально-трассологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла (по материалам Алтын-депе и Теккем-депе) / Н.Н. Скакун // СА. – 1977. – № 1. – С. 264-268.
- Соломатина С.Н.** К реконструкции пространственно-временной структуры традиционного мировосприятия тувинцев / С.Н. Соломатина // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990. – С. 89-97.
- Сотникова С.В.** Мотив “обновления мира” в ритуальной практике андроновского населения / С.В. Сотникова // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 309-313.
- Сотникова С.В.** К вопросу о возможных истоках индоиранского культа священного напитка Сомы/Хаомы (по материалам памятников синташтинского типа) / С.В. Сотникова // Теория и практика археологических исследований. – № 1 (9). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 74-86.
- Субботин Л.В.** Орудия труда, оружия и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья / Л.В. Субботин // Материалы по археологии Украины. – Вып. I. – Одесса: Полис, 2003. – 236 с.
- Ткачев В.В.** Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы / В.В. Ткачев. – Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.
- Ткаченко О.М.** Кам’яний товчак з околиці с. Маячка у Новосанжарському районі Полтавської обл. / О.М. Ткаченко // АЛЛУ. – 2002-2003. – № 2/2002-№ 1/2003. – Полтава. – С. 90.
- Тощев Г.Н.** Крым в эпоху бронзы / Г.Н. Тощев. – Запорожье: ЗНУ, 2007. – 304 с.
- Тутаева И.Ж.** Металлические бритвы эпохи поздней бронзы Восточной Европы / И.Ж. Тутаева // РАЕ. – 2014. – № 4. – С. 175-193.
- Усачук А.Н.** Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка / [А.Н. Усачук, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов] // ДАЗ. – 2010. – № 13/14. – С. 185-202.
- Федоров В.К.** О функциональном назначении так называемых “савроматских жертвенников” Южного Приуралья (II) / В.К. Федоров // УАВ. – Уфа: НМ РБ, 2001. – Вып. 3. – С. 21-49.
- Фомичев А.В.** Поселения эпохи поздней бронзы Урало-Мугоджарского региона / А.В. Фомичев // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер. II Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы; Актобе, 2011. – С. 157-160.
- Халяпин М.В.** Курганы срубной культуры у с. Свердлово / М.В. Халяпин // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 2. – Оренбург: Изд-во Оренбург. ун-та, 1998. – С. 57-86.
- Хоркин Д.А.** Ритуальный комплекс на поселении нижеволжских бронзолитейщиков у села Усть-Курдюм / Д.А. Хоркин // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тез. докл. VII Донской археолог. конф. – Ростов-н/Д, 1998. – С. 80-81.
- Хоркин Д.А.** Производственно-ритуальная постройка на срубном металлообрабатывающем поселении Усть-Курдюм под Саратовом / Д.А. Хоркин // Труды ГИМ. – Вып. 122: Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: матер. науч. конф. – М.: ГИМ, 2000. – С. 59-67.

- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.
- Цимиданов В.В.** Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины / В.В. Цимиданов // МДАСУ. – № 5. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. – С. 193-214.
- Цуцкин Е.В.** К истории металлообработки срубных племен / В.В. Цуцкин // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста: КНИИИФЭ, 1982. – С. 93-99.
- Цыбрий Т.В.** Итоги исследования поселения “Почтовое” в Октябрьском районе Ростовской области в 2007 г. / Т.В. Цыбрий, П.А. Ларенок // Археологические записки. – Ростов-н/Д: РРОО “ДАО”, 2009. – Вып. 6. – С. 50-55.
- Ченченкова О.П.** Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III-I тыс. до н.э. / О.П. Ченченкова. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.
- Черных Е.Н.** Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
- Черных Е.Н.** Каменные изделия: молотки, наковальни, рудотерки / Е.Н. Черных, Д.В. Вальков // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 157-181.
- Черных Е.Н.** Кризис на Горном: субфаза **B-2** / Е.Н. Черных, Е.Ю. Лебедева // Каргалы, т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002а. – С. 110-117.
- Черных Е.Н.** Поздняя фаза: комплекс № 1 / Е.Н. Черных, Е.Ю. Лебедева // Каргалы, т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002б. – С. 70-91.
- Черных Е.Н.** Поздняя фаза: комплекс № 2 / Е.Н. Черных, Е.Ю. Лебедева // Каргалы, т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002в. – С. 92-109.
- Черных Е.Н.** Сооружения ранней фазы / Е.Н. Черных, Е.Ю. Лебедева // Каргалы, т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002г. – С. 26-69.
- Шарафутдинова И.Н.** Сабатиновская культура / И.Н. Шарафутдинова // Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 83-116.
- Швецов М.Л.** Работы на Зливкинском могильнике / М.Л. Швецов // АО-1983. – М.: Наука, 1985. – С. 373-374.
- Шилов В.П.** Калиновский курганный могильник / В.П. Шилов // МИА. – 1959. – № 60. – С. 323-523.
- Ширинов Т.** Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья (по данным экспериментально-трассологического изучения) / Т. Ширинов. – Ташкент: ФАН, 1986. – 135 с.
- Boroffka N.** Zu den steinernen „Zeptern/Stossel-Zeptern“, „Miniatursaulen“ und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens / N. Boroffka, E. Sava // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. – Berlin, 1998. – Bd. 30. – S. 17-113.
- Vodolazhskaya L.N.** Arhaeoastromical analysis of Levinsadovka sacrificial complex (South Russia) / L.N. Vodolazhskaya, V.A. Larenok // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. – 2013. № 1(1). – P. 5-25.
- Tallgren A.M.** Zur osteuropäischen Archäologie / A.M. Tallgren // FUF. – 1929. – Bd. XX. – Heft 1-3. – S. 1-46.